

УДК 342.7

**КОНТУРЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В КОНТЕКСТЕ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дейнеко А. Г.

НИУ «Высшая школа экономики»

Наряду с развитием информационных технологий влияние на развитие информационного законодательства в нашей стране оказывают документы стратегического развития. Первые подобные документы появились в России в начале 1990-х, импульс развитию данного института придали «майские указы» Президента Российской Федерации 2012 года и последующие за ними национальные проекты. Стратегические задачи развития страны на период 2024-2036 годов закреплены в новом «майском указе», который подробно анализируется в данной статье. При анализе целевых показателей, связанных с цифровой трансформацией государственного и муниципального управления обращает на себя внимание индикатор формирования «рынка данных». Его буквальное толкование может изменить правовую парадигму защиты персональных данных граждан. Кроме того, влияние информационных технологий не исчерпывается национальной целью «цифровая трансформация», а пронизывает все национальные цели развития. Таким образом, развитие информационного законодательства должно осуществляться с учётом национальных целей и задач, поставленных руководством страны, а также на основании конституционного принципа обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

Ключевые слова. Информационное право, национальные цели развития, права человека, национальный суверенитет, цифровая трансформация, «майские указы», информатизация, национальные проекты, документы стратегического развития, информационное общество.

Формирование института документов стратегического развития

Анализ национальных целей и задач развития нашей страны на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. необходимо предварить кратким обращением к истории принятия документов стратегического развития, оказавших влияние на развитие информационного права в России.

Первые попытки сформировать концептуальную основу для развития процессов информатизации предпринимались еще в период начала формирования правовой системы нашей страны. Так, в 1993 г. первым Президентом Российской Федерации *Б.Н. Ельциным* была утверждена Концепция правовой информатизации России [1], в этот же период коллективы учёных публиковали концепции, определяющие принципы применения информационных технологий в различных сферах общественной жизни, например, в системе высшего образования [2]. В конце прошлого столетия экспертами в области права и информационных технологий были также подготовлены проекты стратегических документов, определяющих основные направления государственной информационной политики нашей страны и процессов формирования информационного общества [3], однако дальше одобрения отдельными органами законодательной и исполнительной власти эти документы не продвинулись.

Названные документы характеризовались в целом, оптимистичным отношением к процессам внедрения информационных технологий в различные сферы общественной жизни, в то время как риски и угрозы для прав и свобод граждан, государственного суверенитета и общественной безопасности в них, как правило, не упоминались. Вместе с тем, Концепция правовой информатизации России содержала

тезис, актуальность которого в современных условиях даже возросла: «любая монополизация информации рано или поздно выльется в злоупотребления, начиная с сокрытия информации и кончая её незаконным обнародованием» [4].

В 2000-х годах одним из магистральных направлений развития информационных технологий в сфере государственного управления стала концепция «электронного правительства», соответствующий программный документ был утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации в 2008 г. [5]. Критикуя данный документ, П.У. Кузнецов приходит к выводу, что «из буквального прочтения этого документа, а также всех последующих документов по её реализации, невозможно вывести сколько-нибудь определённые средства, при помощи которых должны достигаться поставленные цели» [6]. На нынешнем этапе развития российской государственности концепт «электронного правительства» постепенно отходит на второй план, но А.В. Минбалева справедливо отмечает, что и современные концепты «государства как [цифровой] платформы» являются по своей сути лишь «новым названием старых концепций электронного (цифрового) государства» [7].

Наряду с этим в указанный период предпринимались попытки внедрения обширных баз данных, содержащие персональные данные граждан нашей страны в целях оптимизации процессов государственного управления [8]. Несмотря на ряд технологических и правовых сложностей, с которыми столкнулась идея о создании всеобъемлющих реестров информации о населении, она сохраняет свою актуальность и в наши дни. Об этом в частности, свидетельствует принятый в 2020 г. Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [9]. В то же время, соотношение функционала данного реестра с основными личными правами и свободами граждан во многом, остаётся предметом дискуссий [10, с. 161-161].

Поворотным моментом в процессах стратегического планирования стало издание Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2012 г. т.н. «майских указов», разработка и утверждение последующих за ними национальных проектов, а также принятие в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11]. П. 10 ст. 3 указанного закона определяет документы стратегического развития, как *документированную информацию*, разрабатываемую, рассматриваемую и утверждаемую (одобряемую) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования.

Как отмечают Н.М. Кропачев и В.В. Архипов, «из содержания указанного закона вытекает, что предметом документов стратегического планирования с точки зрения теории права... является не непосредственное установление прав и обязанностей участников правоотношений с помощью общих норм, ...а нормативное установление целей, задач и собственно ценностей, которые должны применяться при осуществлении технических, организационных и юридических (включая нормотворческие) действий» [12, с. 301]. На наш взгляд, упомянутая легальная дефиниция не позволяет отнести документы стратегического планирования к разновидности нормативных правовых актов, хотя их можно назвать источником информационного права в широком смысле. Такие документы нередко содержат комплекс ценностных ориентиров и установок, которые следует учитывать органам законодательной

власти в своей работе. Стоит согласиться с позицией *Т.А. Поляковой* и *Д.А. Афиногенова*, утверждающих что дальнейшее совершенствование стратегического планирования (в том числе, в информационной сфере) является необходимым условием повышения эффективности государственного управления [13, с. 17].

Ключевые документы стратегического развития в информационно-правовой сфере. В числе документов стратегического развития, непосредственно влияющих на государственную политику в сфере развития и применения информационных технологий, следует отметить:

1) Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, принятую в 2016 г., и содержащую систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере [14];

2) Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, утвержденную в 2017 г. и определяющую цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики РФ в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [15];

3) Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденную в 2019 г. и определяющую цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в РФ, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе, в области научно-технологического развития [16]. Отметим, что в 2024 г. данный документ претерпел существенные изменения, в том числе, было изменено определение искусственного интеллекта (ранее оно не содержало указания на возможность получения результатов интеллектуальной деятельности, превосходящих созданные человеком) [17];

4) отдельные Государственные программы Российской Федерации, принятые в 2011-2024 гг. и имеющие горизонт планирования до 2030 г.: «Информационное общество», «Научно-технологическое развитие», «Юстиция» и др. Как удалось подсчитать в 2020 г. *А.А. Ефремову*, из 46 действующих государственных программ (сейчас их число составляет 55), только в 8 программах содержались положения, связанные с развитием информационных технологий [18, с. 307-309];

5) федеральные национальные проекты «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», который планируется реализовать в период 2019-2024 гг., и «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который придет ему на смену и будет рассчитан на период 2025-2030 гг. и на перспективу до 2036 г. В соответствии с новым «майским» указом Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации должно разработать такой национальный проект и представить его в Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам в срок до 1 сентября 2024 г. [19];

6) отраслевые концепции, утверждаемые Правительством РФ и затрагивающие более узкие сферы применения информационных технологий. К ним в частности, относятся Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования [20] и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. [21], принятые в 2020 г., а также иные документы;

7) региональные документы стратегического развития, среди которых заслуживает упоминания Концепция «Москва. Умный город 2030» [22], утверждённая столичным правительством в 2018 г. и содержащая основные направления развития городской среды, основанной на применении технологий «больших данных», блокчейна, Интернета вещей, стандарта связи 5G и алгоритмов искусственного интеллекта [23].

Отмеченное разнообразие документов стратегического планирования несколько затрудняет законотворческую деятельность, поскольку их понятийный аппарат далеко не всегда синхронизирован. Так, например, в указанных документах часто упоминаются цифровые платформы, однако их легальное определение пока отсутствует в тезаурусе базового для информационного права Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [24]. В данном случае речь идет не только о доктринальной, но и о практической проблеме, поскольку в упомянутых документах и различных подзаконных актах под цифровыми платформами понимаются как государственные, так и частные, а иногда и международные платформы. К сожалению, этот пробел не является уникальным в своём роде.

Новеллы 2024 года. Как можно увидеть из приведенного списка, на смену концепции «цифровой экономики» в национальных проектах пришла концепция «экономики данных». Нам представляется, что принципиальное отличие этих концепций состоит в том, что хозяйствующие субъекты и органы публичной власти всех уровней должны перейти от парадигмы оцифровки имеющихся данных к их повсеместному использованию при принятии решений. В качестве целей национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» Президентом РФ определены в частности, повышение скорости и качества доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для населения, увеличение доли государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде, а также формирование к 2030 г. цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, включая сферу государственного управления [25].

Отечественные правоведы, оценивая перспективы перехода к «экономике данных» с точки зрения государственного управления, указывают на необходимость повышения адресности, доступности и расширения ассортимента государственных услуг, оказываемых в электронной форме, включая переход на проактивный (беззаявительный) формат их предоставления, что в свою очередь, требует реализации качественно новых подходов к правовому регулированию данных отношений [26].

В новом «майском указе» главы государства национальная цель «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» раскрывается в виде 11 целевых показателей. Среди этих показателей стоит обратить внимание на «формирование рынка данных, их активное вовлечение в хозяйственный оборот, хранение, обмен и защиту», «создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения», «обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [27].

Использование термина «рынок данных» вызывает у нас некоторые опасения в силу того, что буквальное применение рыночных механизмов к персональным дан-

ным граждан может повлечь за собой изменения правовой парадигмы их защиты. В начале 2000-х годов в зарубежных исследованиях звучали инициативы о придании персональным данным правового статуса «ограниченного вещного права», допускающего их отчуждение [28]. На наш взгляд, в практическом плане это приведёт к тому, что в пользовательские соглашения (*terms of use, terms of service* и др.) цифровых платформ, содержание которых абсолютное большинство пользователей не в состоянии воспринять, будут массово включаться пункты о безвозвратном отчуждении персональных данных в качестве платы за пользование цифровой платформой. Это снимет с цифровых платформ любые обязательства по обеспечению сохранности таких данных, поскольку переход прав на них уже произошел. Следует поддержать противников такого подхода, утверждающих в частности, что «рынок данных» характеризуется частыми сбоями в виде кражи «товара», а сами персональные данные по своей экономической природе являются общественным благом, «таким, как чистый воздух и национальная безопасность» [29]. В этом отношении владельцы цифровых платформ представляются нам не «классическими» свободными субъектами частноправовых отношений, а лицами, на которые необходимо возлагать публично-правовые обязательства по аналогии, например, с электросетями.

Если вернуться к другим упомянутым в «майском указе» целевым показателям, то справедливо будет заметить, что обеспечение национального суверенитета государства в современных условиях вряд ли возможно без защиты персональных данных его граждан (подданных) и создания системы противодействия преступлениям, совершаемым в подконтрольном этому государству сегменте киберпространства. В 2020 г. подп. «м» ст. 71 Конституции РФ был изложен в редакции, возлагающей на государство обязанность по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что данная правовая конструкция является конституционно-правовым принципом, который должен определять дальнейшее развитие информационного законодательства.

Кроме того, обращение к другим национальным целям, установленным в «майском указе», показывает, что все они в той или иной степени связаны с информационными технологиями. Так, национальная цель «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» требует создания к 2030 г. «цифровой платформы, способствующей формированию, поддержанию и сохранению здоровья человека на протяжении всей его жизни, на базе принципа управления на основе данных». При создании такой платформы принципиально важно обеспечить не только защиту содержащейся в ней информации, составляющую врачебную тайну, но и недискриминационный характер её функционирования.

На эту проблему обращают внимание многие межгосударственные организации, в частности, Панамериканская организация здоровья (*ПАНО, Pan American health organization*) в своем докладе о цифровой трансформации здравоохранения, опубликованном в 2021 г. В докладе отмечается, что обеспечение защиты прав человека в цифровом здравоохранении требует «тщательного анализа правовых документов, относящихся к сектору здравоохранения. Индивидуальные и социальные аспекты человеческого достоинства составляют одну из фундаментальных ценностей процесса цифровой трансформации», а ее нормативно-правовая база «должна быть сво-

бодна от любых географических, образовательных, культурных, политических, религиозных или гендерных предубеждений» [30]. В докладе *РАНО* также подчеркивается необходимость поиска баланса «между защитой общественного здоровья, как социального блага, и защитой конфиденциальных персональных данных».

Вторая национальная цель – «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» – предполагает значительные государственные и общественные усилия по формированию патриотизма в молодёжной среде, укреплению традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Эти задачи требуют прежде всего, сбалансированной государственной информационной политики и работы с широким спектром контента, представленного в киберпространстве. Здесь органам публичной власти необходимо создать условия, обеспечивающие баланс между внедряемыми защитными механизмами и конституционными ценностями свободы слова и плюрализма.

Третья национальная цель – «Комфортная и безопасная среда для жизни» – помимо решения частной задачи по созданию в малых населённых пунктах 900 «центров воспроизведения аудиовизуального контента», подключённых к единой цифровой платформе, на наш взгляд тесно связана с дальнейшим развитием программно-аппаратных комплексов «Безопасный город». В сфере функционирования таких комплексов содержится как минимум, одна узловая проблема, связанная с допустимостью и пределами массового распознавания лиц граждан системами уличного видеонаблюдения. Не углубляясь в данную проблему, отметим, что она является яркой иллюстрацией столкновения частных и публичных интересов на поле информационного законодательства.

Следующие три цели – «Экологическое благополучие», «Устойчивая и динамичная экономика» и «Технологическое лидерство» – объединяет в частности, то обстоятельство, что современная экономика характеризуется широким спектром внедрения технологий искусственного интеллекта и других информационных технологий, но вопрос о безопасных и этических пределах их применения в значительной степени остаётся открытым.

Нам представляется, что идея повсеместного внедрения новых информационных технологий, продиктованного одним лишь удобством для их владельцев и пользователей, не в полной мере отвечает перечисленным национальным целям. На наш взгляд, информационное законодательство должно не только фиксировать порядок применения подобных информационных технологий, но и возлагать на их владельцев и пользователей комплекс обязанностей, направленных на недопущение алгоритмической дискриминации и иных нарушений конституционных прав и законных интересов личности. Для этого информационному законодательству потребуется систематизация, конечным итогом которой может стать разработка и принятие информационного кодекса, необходимость в котором, по нашему мнению, давно назрела.

Список литературы:

1. Концепция правовой информатизации России (утв. указом Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966, ред. от 22 марта 2005 г.) // «Собрание актов Президента и Правительства РФ». 05.07.1993. № 27. Ст. 2521.
2. Концепция системной интеграции информационных технологий в высшей школе – М.: РосНИИСИ, 1993; Концепция развития сети телекоммуникаций в системе высшего образования Российской Феде-

рации – М.: Госкомвуз России, 1994.

3. Концепция Государственной информационной политики Российской Федерации – М.: Институт системного анализа РАН, 1998 (одобрена 15 октября 1998 г. Комитетом по информационной политике и связи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и 21 декабря 1998 г. Постоянной палатой по государственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации); Концепция нормативно-правового обеспечения формирования в России информационного общества – М.: НТЦ «Информсистема», 1998 (одобрена 28 мая 1998 г. межведомственной Государственной комиссией по информатизации при Государственном Комитете Российской Федерации по связи и информатизации).
4. абз. второй Раздела IV Концепции правовой информатизации России.
5. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 632-р, ред. от 10 марта 2009 г.) // СЗ РФ. 19.05.2008. № 20. Ст. 2372.
6. Кузнецов П.У. Социальная миссия электронного государства: ценности и терминологические проблемы / Информационное общество и социальное государство: сб. науч. работ – М.: Институт государства и права РАН, ИПО «У Никитских ворот», 2011. С. 20.
7. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. д.ю.н., доцента А.В. Минбалева – Саратов: Амирит, 2019. С. 91.
8. Концепция создания системы персонального учёта населения Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 748-р, утратила силу) // СЗ РФ. 13.06.2005. № 24. Ст. 2414; Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 (в ред. от 25 апреля 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 27 апреля 2024 г.) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СЗ РФ. 31.10.2011. № 44. Ст. 6274.
9. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 15.06.2020. № 24. Ст. 3742.
10. Дейнеко А.Г., Кайнер О.В. О перспективах информатизации системы социального обеспечения в Российской Федерации // Четвертые Бачиловские чтения: мат. Междунар. научно-практ. конф./ отв. ред. Т.А.Полякова, А.В.Минбалева, В.Б.Наумов // Институт государства и права РАН. – М.; Саратов, Амирит, 2022. С. 151-162.
11. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
12. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 14. № 2. С. 301. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>
13. Полякова Т.А., Афиногенов Д.А. Роль стратегического планирования в совершенствовании системы государственного управления в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2016. № 4 (45). С. 17.
14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646) // СЗ РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.
15. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203) // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
16. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, в ред. от 15 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
17. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СЗ РФ. 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.
18. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. – М.: ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 307-309.
19. п. 9 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.
20. Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р) // СЗ РФ. 30.03.2020. № 13. Ст. 1995.
21. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и

- робототехники до 2024 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р) // СЗ РФ. 31.08.2020. № 35. Ст. 5593.
22. Концепция «Москва. Умный город 2030» [Электронный ресурс] // URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (дата обращения: 1 июня 2024 г.).
23. Подробнее о содержании Концепции – см., например: Василенко И.А. Москва - «умный город»: основные направления и перспективы смарт-стратегии развития столицы // Власть. 2019. № 3. С. 91-95.
24. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (Часть I). Ст. 3448.
25. Под п. «б» п. 8 перечня поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 2024 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759> (дата обращения: 1 июня 2024 г.).
26. Талапина Э.В., Южаков В.Н., Двинских Д.Ю., Ефремов А.А., Черешнева И.А. Оборот данных в государственном управлении: перспективы правового регулирования – М.: Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2020.
27. Подп. «б», «к», «л» п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.
28. Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. № 7. Pp. 2056-2128.
29. Litman J. Information Privacy / Information Property // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52, № 5. P. 1285.
30. Eight Guiding Principles of Digital Transformation of the Health Sector (РАНО/ЕИН/IS/21-0004) – Pan American Health Organization, 2021 [Электронный ресурс] / URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/54256/PAHOEIHIS210004_eng.pdf (дата обращения: 1 июня 2024 г.).

Alexey G. Deineko The contours of the development of information legislation in the context of the documents of the strategic development of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 64 – 73.

Along with the development of information technologies, strategic development documents have a huge impact on the development of information legislation in our country. The first such documents appeared in Russia in the early 1990s, the impulse for the development of this institute was given by the "May decrees" of the President of the Russian Federation in 2012 and subsequent national projects. The strategic objectives of the country's development for the period 2024-2036 are fixed in the new "May decree", which is analyzed in detail in this article. When analyzing the targets related to the digital transformation of public administration, the indicator of the formation of the "data market" attracts our attention. Its literal interpretation can change the legal paradigm of protecting citizens' personal data. In addition, the impact of information technology is not limited to the national goal of "digital transformation", but permeates all national development goals. Thus, the development of information legislation should be carried out taking into account the national goals and objectives set by the country's leadership, as well as on the basis of the constitutional principle of ensuring the security of the individual, society and the state in the application of information technologies and the circulation of digital data.

Keywords. Information law, national development purposes, human rights, national sovereignty, digital transformation, "May decrees", informatization, national projects, strategic development documents, information society.

Spisok literatury:

1. Konceptsiya pravovoj informatizacii Rossii (utv. ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 1993 g. № 966, red. ot 22 marta 2005 g.) // «Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF». 05.07.1993. № 27. St. 2521.
2. Konceptsiya sistemnoj integracii informacionnyh tekhnologij v vysshej shkole – М.: RosNIISI, 1993; Konceptsiya razvitiya seti telekommunikacij v sisteme vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii – М.: Goskomvuz Rossii, 1994.
3. Konceptsiya Gosudarstvennoj informacionnoj politiki Rossijskoj Federacii – М.: Institut sistemnogo analiza RAN, 1998 (odobrena 15 oktyabrya 1998 g. Komitetom po informacionnoj politike i svyazi Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii i 21 dekabrya 1998 g. Postoyannoj palatoj po gosudarstvennoj informacionnoj politike Politicheskogo konsul'tativnogo soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii); Konceptsiya normativno-pravovogo obespecheniya formirovaniya v Rossii informacionnogo obshchestva – М.: NTC «Informsistema», 1998 (odobrena 28 maya 1998 g. mezhvedomstvennoj Gosudarstvennoj komissiej po informatizacii pri Gosudarstvennom Komitete Rossijskoj Federacii po svyazi i informatizacii).
4. abz. vtoroj Razdela IV Konceptcii pravovoj informatizacii Rossii.
5. Konceptsiya formirovaniya v Rossijskoj Federacii elektronnoho pravitel'stva do 2010 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 6 maya 2008 g. № 632-r, red. ot 10 marta 2009 g.) // SZ

RF. 19.05.2008. № 20. Ст. 2372.

6. Kuznecov P.U. Social'naya missiya elektronnoho gosudarstva: cennosti i terminologicheskie problemy / Informacionnoe obshchestvo i social'noe gosudarstvo: sb. nauch. работ – М.: Institut gosudarstva i prava RAN, IPO «U Nikitskih vorot», 2011. S. 20.

7. Pravovoe regulirovanie cifrovoykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Rol' i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya v razvitii cifrovoykh tekhnologiy: monografiya / pod obshch. red. d.yu.n., docenta A.V. Minbaleeva – Saratov: Amirit, 2019. S. 91.

8. Konceptsiya sozdaniya sistemy personal'nogo uchyota naseleniya Rossijskoj Federacii (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 iyunya 2005 g. № 748-r, utratila silu) // SZ RF. 13.06.2005. № 24. St. 2414; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 oktyabrya 2011 g. № 861 (v red. ot 25 aprelya 2024 g., s izm. i dop., vstup. v silu s 27 aprelya 2024 g.) «O federal'nykh gosudarstvennykh informacionnykh sistemah, obespechivayushchih predostavlenie v elektronnoy forme gosudarstvennykh i municipal'nykh uslug (osushchestvlenie funktsij)» // SZ RF. 31.10.2011. № 44. St. 6274.

9. Federal'nyj zakon ot 8 iyunya 2020 g. № 168-FZ (red. ot 28 dekabrya 2022 g.) «O edinom federal'nom informacionnom registre, sodержashchem svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 15.06.2020. № 24. St. 3742.

10. Deineko A.G., Kaïner O.V. O perspektivah informatizacii sistemy social'nogo obespecheniya v Rossijskoj Federacii // CHetvertye Bachilovskie chteniya: mat. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf./ otv. red. T.A.Polyakova, A.V.Minbaleev, V.B.Naumov // Institut gosudarstva i prava RAN. – М.; Saratov, Amirit, 2022. S. 151-162.

11. Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ (red. ot 17 fevralya 2023 g.) «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 30.06.2014. № 26 (chast' I). St. 3378.

12. Kropachev N.M., Arhipov V.V. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoy transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. T. 14. № 2. S. 301. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>

13. Polyakova T.A., Afinogenov D.A. Rol' strategicheskogo planirovaniya v sovershenstvovanii sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 4 (45). S. 17.

14. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646) // SZ RF. 12.12.2016. № 50. St. 7074.

15. Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 maya 2017 g. № 203) // SZ RF. 15.05.2017. № 20. St. 2901.

16. Nacional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490, v red. ot 15 fevralya 2024 g.) // SZ RF. 14.10.2019. № 41. St. 5700.

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 fevralya 2024 g. № 124 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» i v Nacional'nyu strategiyu, utverzhdannuyu etim Ukazom» // SZ RF. 19.02.2024. № 8. St. 1102.

18. Efremov A.A. Informacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.13. – М.: IZiSP pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2020. S. 307-309.

19. p. 9 Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 g. № 309 «O nacional'nykh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // SZ RF. 13.05.2024. № 20. St. 2584.

20. Konceptsiya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya s uchastiem bespilotnykh transportnykh sredstv na dorogah obshchego pol'zovaniya (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 marta 2020 g. № 724-r) // SZ RF. 30.03.2020. № 13. St. 1995.

21. Konceptsiya razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologiy iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 avgusta 2020 g. № 2129-r) // SZ RF. 31.08.2020. № 35. St. 5593.

22. Konceptsiya «Moskva. Umnyj gorod 2030» [Elektronnyj resurs] // URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).

23. Podrobnее o sodержanii Konceptcii – sm., naprimer: Vasilenko I.A. Moskva - «umnyj gorod»: osnovnye napravleniya i perspektivy smart-strategii razvitiya stolicy // Vlast'. 2019. № 3. S. 91-95.

24. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (red. ot 12 dekabrya 2023 g.) «Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyah i o zashchite informacii» // SZ RF. 31.07.2006. № 31 (CHast' I). St. 3448.

25. Pod p. «b» p. 8 perechnya poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii po realizacii Poslaniya Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii ot 30 marta 2024 g. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759> (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).

26. Talapina E.V., YUzhakov V.N., Dvinskih D.YU., Efremov A.A., CHereshneva I.A. Oborot dannyh v gosudarstvennom upravlenii: perspektivy pravovogo regulirovaniya – М.: Izd. dom «Delo» RANHiGS, 2020.

27. Podp. «b», «k», «l» p. 8 Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 g. № 309 «O nacional'nykh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // SZ RF.

13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

28. Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. № 7. Pp. 2056-2128.

29. Litman J. Information Privacy / Information Property // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52, № 5. P. 1285.

30. Eight Guiding Principles of Digital Transformation of the Health Sector (PAHO/EIH/IS/21-0004) – Pan American Health Organization, 2021 [Elektronnyj resurs] / URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/54256/PAHOEIHIS210004_eng.pdf (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).